

Д. Кольцов

**Царское правительство и
рабочие**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д. Кольцов**
Царское правительство и рабочие / Д. Кольцов – М.: Книга по Требованию,
2021. – 46 с.

ISBN 978-5-458-16563-1

Отдельный оттиск из "Работника"

ISBN 978-5-458-16563-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

рабочій классъ. Сорвать съ себя оковы рабства, испровергнуть самодержавіе и замѣнить его другимъ, народнымъ правительствомъ, такова ближайшая задача русскихъ рабочихъ.

Какъ начать эту борьбу, какъ ее вести, объ этомъ придется еще разъ бесѣдовать въ дальнѣйшихъ книжкахъ. Здѣсь же мы намѣрены на цѣломъ рядѣ примѣровъ, сообщенныхъ намъ товарищами съ родины, показать, какую роль играетъ наше правительство въ „разрѣшеніи“ рабочаго вопроса.

Намъ, можетъ быть, слѣдовало начать издалика: рассказать, какъ необходимость уплачивать непосильные подати и налоги, идущіе на содержаніе царя, его огромной семьи, цѣлой арміи никому ненужныхъ чиновниковъ, огромнаго войска, служащаго скорѣе для царской потѣхи да противъ самого русскаго народа, чѣмъ для защиты страны отъ нападенія враговъ, заставляетъ крестьянина бросать свою землю и искать работы въ городѣ, на фабрикѣ, такъ что правительство способствуетъ возникновенію и росту запасной рабочей арміи; слѣдовало бы также сообщить о томъ, какъ правительственные „заботы“ о мужикѣ (урядники, земскіе начальники) превращаютъ его въ нищаго, въ силу чего потребности массы населенія все падаютъ, уменьшается производство и съ нимъ спросъ на рабочія руки и проч. и проч. Но объ этомъ мы предпочитаемъ поговорить въ особой статьѣ; теперь же мы предположимъ, что правительство уже продѣлало надъ крестьянникомъ всѣ тѣ пакости и мерзости, на какія оно способно: выгнало его изъ деревни, заставило долго шататься въ поискахъ за работой, по нѣскольку разъ сажало въ тюрьмы за попрошайничество или бродяжничество (если нечѣмъ было заплатить за паспортъ), пока, наконецъ, нашему деревенскому счастливцу (по мнѣнію начальства, всякій русскій человѣкъ изъ низшихъ сословій долженъ быть счастливъ, когда находитъ работу) удалось пристроиться гдѣ-нибудь на фабрикѣ или заводѣ. Мы уже отчасти знаемъ, что его тамъ ждетъ; но вмѣшательство полиціи и чиновниковъ рѣшительно во всѣ стороны его жизни

дѣлаетъ его положеніе невыносимымъ. Освобожденный отъ крѣпостного яга помѣщиковъ, онъ сталъ крѣпостнымъ царя, который поддерживаетъ его враговъ-фабрикантовъ и мѣшаетъ всякому его свободному движенію. Хотите фактовъ? Ихъ много въ русской жизни. Мы выберемъ тѣ, которые касаются самаго послѣдняго времени:

Рѣшительно на всѣхъ фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ полиція держитъ своихъ шпионовъ, которые доносятъ ей обо всякомъ наиболѣе сознательномъ рабочемъ, принимающемъ близко къ сердцу интересы своихъ товарищей. Такихъ рабочихъ полиція начинаетъ травить: сначала дѣйствуетъ на главнаго мастера, на завѣдующаго работами, которые донимаютъ рабочаго штрафами, вычетами, а часто и побоями. Рабочій долго терпитъ, но наконецъ выходитъ изъ себя и словомъ или дѣломъ мститъ за давнія обиды и оскорбленія. Этого только и нужно: полиція предаетъ преступника суду, его прячутъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму; откуда онъ выходитъ совершенно разбитымъ и физически, и нравственно. Но полиціи мало одной жертвы; она хотѣла бы совершенно вытравить изъ рабочихъ духъ недовольства, и на время ей это удается. Лучшіе изъ рабочихъ заступаются за своего обиженнаго товарища, начинается стачка рабочихъ, требующихъ освобожденія неповинно осужденнаго, и тутъ начинается разгулъ полиціи: она хватается направо и налево, виновныхъ и невинныхъ, запираетъ въ тюрьму или высылаетъ на родину. На время рабочіе присмирѣли, пока полиціи не потребуется вызвать новый „бунтъ“ и вырвать такимъ образомъ изъ среды рабочихъ новую сотню жертвъ. Такой, напр., „бунтъ“ былъ вызванъ исключительно полиціей среди рабочихъ мастерскихъ Владикавказской ж. д. въ Ростовѣ на Дону.

Уже въ концѣ 1893 г. жандармы проникли, что на этой дорогѣ среди рабочихъ дѣятельно ведется пропаганда социалистическихъ идей. Надо было не только прогнать и лишить заработка „соціалпстовъ“, но и запугать надолго рабочую массу, чтобы она и пикнуть

не посмѣла. И вотъ начинается цѣлый рядъ преслѣдованій, сначала мелкихъ, потомъ все болѣе и болѣе грубыхъ, выведшихъ, наконецъ, изъ терпѣнія рабочихъ. Уже въ декабрѣ 1893 г. одинъ изъ нашихъ товарищей сообщалъ намъ слѣдующее объ этихъ придиркахъ:

„Не буду говорить, писалъ онъ, о положеніи рабочаго: его экономическое положеніе хорошо всѣмъ извѣстно. Не буду говорить о тѣхъ „недоразумѣніяхъ“, которыя часто возникаютъ между представителями капитала и рабочими. Укажу только, какъ пользуются этими недоразумѣніями и что они вызываютъ. Обсчитываніе рабочихъ, прижимки, грубое обращеніе, — все это происходитъ гласно, во всю ширь нарастающаго русскаго капитализма. Прихлебатели капитала не знаютъ никакихъ границъ, кромѣ своего алчнаго инстинкта. Да они и увѣрены, что власти и судъ всегда примутъ ихъ сторону, если рабочіе выѣстѣ-ли, или въ одиночку подумаютъ отстаивать свое человѣческое достоинство и заработанный тяжелымъ трудомъ кусокъ хлѣба. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Обсчитали одного рабочаго Рудометова (бывшаго политическаго ссыльнаго, пробылъ четыре года въ Семиплатинской области). При объясненіи по поводу такого обсчитыванія Рудометовъ вышелъ изъ себя и побилъ мастера. Въ мастерскія (Ростовской ж. д.) явился тотчасъ жандармы, составили протоколъ, и Рудометовъ былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности. А надо сказать, что **жандармы суютъ свой носъ во все, что дѣлается въ мастерскихъ и на дорогѣ: ни одного рабочаго, кондуктора, конторщика не примутъ на службу безъ согласія жандармовъ.** Въ день суда надъ Рудометовымъ публики набралось масса, особенно изъ рабочихъ, которые пришли посмотреть, каковъ-то будетъ правый судъ надъ ихъ братомъ, постоявшимъ за свои права. Входятъ и жандармскій офицеръ Лосевъ, завѣдующій жандармской полиціей на Ростовской дорогѣ и проситъ судью поговорить съ нимъ наединѣ, на что получаетъ милостивое приглашеніе. Нѣкоторыя слова изъ этого таинственнаго разговора долетаютъ до публики и до

Рудометова. Слышны слова: „Бывшій политическій ссыльный... вліяніе между рабочими... двухъ-тысячная толпа... наказаніе примѣрное“. Судья отвѣчаетъ: „Повѣрьте, что могу! Очень радъ...“ Горячее рукопожатіе въ довершеніе столь милостиваго разговора. — Начался и судъ. По прочтеніи протокола, Рудометовъ не выслушивается, какъ это водится на судѣ, а приступаютъ прямо къ допросу свидѣтелей. Всѣ свидѣтели со стороны мастера и полиціи. Допрашиваютъ и какого-то техника, который показываетъ въ пользу мастера. Послѣ его показанія встаетъ Лосевъ и, пожимая при всей публикѣ руку этому технику, благодаритъ за показаніе. Лосевъ благодаритъ за показаніе и какого то рабочаго, но руки ему не жметъ, а только ловко прищелкиваетъ ппирами. Когда Рудометовъ проситъ слова, чтобы выяснить свои мотивы, судья его по-просту обрываетъ. Лосевъ проситъ слова, ему разрѣшается говорить. „Я поставленъ смотрѣть за рабочими. Если одинъ изъ нихъ не будетъ наказанъ примѣрно, то эта 2000-ая толпа пойдетъ по его стопамъ“. Судья кланяется, отказываетъ Рудометову въ послѣднемъ словѣ и приговариваетъ его къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Какъ видите, ни судья, ни Лосевъ даже не постарались скрыть свой произволъ“.

Эта исторія, въ которой роль царской полиціи выступаетъ во всей ея низости и гадости, служила только началомъ къ цѣлому ряду гоненій противъ ростовскихъ рабочихъ. Всковѣ послѣ нея, въ послѣднихъ числахъ декабря 1893 г., при выходѣ изъ театра былъ схваченъ переодѣтыми жандармами рабочій Вѣтровъ. Тотчасъ же, ночью, этого рабочаго привозятъ въ Ростовское жандармское управленіе и подвергаютъ допросу. Онъ имѣлъ неосторожность отвѣтить на нѣкоторые вопросы. Отвѣты его показались интересными, и его въ тотъ же день отправили въ г. Новочеркасскъ къ начальнику жандармскаго правленія, полковнику Страхову. Страховъ прежде всего напугалъ Вѣтрова тѣмъ наказаніемъ, которому онъ подвергнется, если не захочетъ сознаться. Перепуганный угрозами и опьяненный виномъ, которымъ

угощалъ его Страховъ (жандармы знали о слабости Вѣтрова къ вину, и этимъ объясняется то, что арестовали именно его, а не другого кого изъ ростовскихъ рабочихъ), Вѣтровъ сталъ называть фамилію лицъ, участвовавшихъ въ рабочихъ кружкахъ и оговорилъ много народу. Черезъ три дня Вѣтровъ отравился отъ угрызений совѣсти, давъ знать передъ смертью знакомымъ, что онъ выдалъ массу людей. Въ Ростовѣ пошли аресты: сразу посажено было въ тюрьму 14 человекъ, а черезъ мѣсяць былъ арестованъ рабочій Мосеенко. Между тѣмъ, накоплявшееся постепенно средъ рабочихъ недовольство прорвалось послѣ одного изъ тѣхъ безчеловѣчныхъ поступковъ, которые позволяли себѣ завѣдующіе работами въ мастерскихъ, опираясь на всемогущую власть жандармовъ. О ближайшей причинѣ стачки намъ писали слѣдующее:

„Всѣми работами при мастерскихъ Владикавказской жел. дор. (въ Ростовѣ) завѣдывалъ одинъ инженеръ, человекъ очень грубый, штрафовавшій рабочихъ за всякіе пустяки и увольнявшій часто ихъ въ чемъ неповинныхъ рабочихъ. Съ каждымъ годомъ недовольство и озлобленіе рабочихъ росло, бывали иногда вспышки, но онъ всегда очень умѣло и энергично подавлялись, такъ что никто о нихъ не зналъ. За послѣднее время передъ стачкой завѣдующій работами инженеръ сталъ буквально невыносимъ; онъ то и дѣло налагалъ штрафы на ничтожный и безъ того заработокъ рабочихъ, увольнялъ всѣхъ на его взглядъ „бунтовщиковъ“, что, конечно, не улучшало отношеній къ нему рабочихъ.

„Въ желѣзнодорожномъ депо имѣется такъ называемое „собрательное“ отдѣленіе, гдѣ изъ отдѣльныхъ частей собираютъ паровозъ. Такъ какъ эта работа производится рѣдко, то особыхъ рабочихъ для этого не имѣется, а когда нужно собирать паровозъ, то рабочихъ берутъ изъ мастерскихъ и платятъ имъ сдѣльно за каждый составленный паровозъ. Работа сама по себѣ кропотливая и утомительная, но рабочіе соглашались на нее, надѣясь заработать нѣсколько больше обыкновеннаго. На самомъ же дѣлѣ они при новомъ инженерѣ полу-

чали гораздо меньше, такъ какъ онъ заставлялъ по 2-3 раза составлять одинъ и тотъ же паровозъ.

„Однажды — это было въ мартѣ 1894 г. — въ депо былъ собранъ паровозъ. Когда туда вошелъ инженеръ, рабочій накручивалъ уже послѣднія гайки. Инженеръ, бывшій въ этотъ день особенно не въ духѣ, выругалъ всѣхъ находившихся въ депо рабочихъ и велѣлъ разобратъ весь паровозъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ рабочему, завпичивавшему гайки, ни за что ни про что выругалъ его и, какъ говорятъ, ударилъ. Рабочій былъ человѣкъ уже старый; товарищи за него заступились. Поднялся шумъ, послышались брань и угрозы начальству. Инженеру удалось скрыться въ суматохѣ. На другой день всѣ рабочіе явились на работу, но увидѣвъ, что ихъ товарищъ, „поссорившійся“ съ инженеромъ, удаленъ, рѣшили прекратить работу. Стачка охватила довольно широкій районъ желѣзнодорожнаго пути. Начальство, перепробовавъ всѣ угрожающія средства, приступило къ переговорамъ, ибо время было горячее, а рабочихъ не было. Рабочіе заявили, что они лишь тогда приступятъ къ работѣ, когда будутъ удовлетворены слѣдующія ихъ требованія: 1) ихъ уволенный товарищъ долженъ быть опять принятъ на службу; 2) инженеръ долженъ быть удаленъ; 3) заработная плата будетъ повышена и число рабочихъ часовъ уменьшено и 4) всѣ налагаемые на нихъ штрафы должны идти не въ пользу дороги, а на образованіе особаго каптала, изъ котораго выдавались бы пособія рабочимъ въ случаѣ ихъ болѣзни, или ихъ семьямъ въ случаѣ ихъ смерти.“

Такое сознательное выступленіе ростовскихъ рабочихъ со вполне опредѣленными требованіями не на шутку испугало начальство дороги. Если бы рабочіе бунтовали, разбивали мастерскія, ихъ легко было бы усмирить казацкими нагайками, а то и ружейными пулями. Но рабочіе вели себя смирно и твердо стояли на своихъ требованіяхъ. Конечно, и за это ихъ можно было привлечь къ суду (русскіе законы наказываютъ за всякое дѣйствіе скопомъ), но время, какъ сказано, было горячее, и начальство готово уже было

уступить, но обратилось предварительно къ министру Кривошеину. Министръ телеграфировалъ, что если рабочіе не согласятся черезъ три дня приступить къ работѣ, то всѣхъ ихъ немедленно уволить безъ права поступленія на какія-либо казенныя работы.

Положеніе рабочихъ было безвыходное, — и на третій день почти всѣ рабочіе приступили къ работѣ. Этимъ, конечно, дѣло не кончилось, Теперь пошла травля со стороны жандармовъ; много рабочихъ было арестовано, болѣе 150 человекъ выслано изъ Ростова и лишены права поступать въ желѣзнодорожныя мастерскія. Съ оставшимися въ тюрьмѣ обращались безчеловѣчно: одинъ изъ рабочихъ, Шамуровъ, тамъ сошелъ съ ума. Около 20 человекъ было сослано на разные сроки въ Архангельскую губернію.

Тяжела та школа, въ которой приходится учиться русскому рабочему; малѣйшій отпоръ съ его стороны, — и начальство не стѣсняется заперать въ тюрьмы, сослать, оставлять безъ куска хлѣба. Русскій министръ, обрадывающій ежегодно казну на десятки тысячъ рублей, находитъ чрезмѣрной грошевую прибавку къ жалованью рабочаго.

Исторія ростовской стачки очень многому должна была научить тамошнихъ рабочихъ; они должны были понять, что ихъ единичныхъ, разрозненныхъ силъ недостаточно для борьбы съ такимъ врагомъ, какъ министерство путей сообщенія. Но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ происходили въ послѣднее время стачки, гдѣ не были затронуты непосредственно интересы правительства, рабочіе все-таки очень скоро убѣдились, что войско, жандармы, полиція, все начальство готово къ услугамъ фабрикантовъ, какъ только измученный, изнуренный рабочій попробуетъ заявить о своихъ очень скромныхъ желаніяхъ.

„Въ іюнѣ 1895 года, подъ Москвой, около станціи Кусково Николаевской жел. дороги произошла стачка на Мазуринской бумагопрядильной фабрикѣ, принадлежащей К. К. Мазурину и Герасимову съ сыновьями. Мазуринъ въ дѣла не вмѣшивался, а управлялъ всѣмъ

Герасимовъ съ директоромъ. Притѣсненіями они довели рабочихъ до того, что тѣ отказались отъ работы. 11-го іюня первая смѣна прядильщиковъ (17 чел.), окончивъ работу, стала требовать отъ мастера прибавки; къ нимъ присоединилась и вторая смѣна. Мастеръ Герасимовъ, хозяйскій сынъ, сначала было обѣщаль прибавить по 5 коп. на рубль. Рабочіе сейчасъ же потребовали утвержденія новой разцѣнки, но мастеръ, успѣвшій уже посоветоваться съ директоромъ фабрики, объявилъ, что хозяева теперь разцѣнки не подпишутъ, а повѣсятъ ее послѣ Покрова дня, когда кончится срокъ найма. Но рабочіе не повѣрили этому обѣщанію и забастовали. Дали знать фабричному инспектору. Къ вечеру пріѣхалъ его помощникъ, и къ тому же времени поднялась вся фабрика, около 2000 человекъ. Забастовщики, требуя повышенія заработной платы, указывали на сосѣднюю фабрику, гдѣ рабочимъ послѣ Пасхи была сдѣлана прибавка. Какъ разъ въ это время въ фабричной школѣ произволился экзаменъ, на которомъ присутствовалъ попечитель ея Мазуринъ. Когда онъ послѣ экзамена вышелъ изъ школы, рабочіе окружили его, требуя прибавки. На это Мазуринъ отвѣчалъ, что онъ оплачиваетъ трудъ рабочихъ прекрасно: самый маленький мальчикъ получаетъ 40 к., а прядильщикъ 60-70 к. Когда рабочіе стали жаловаться на то, что завѣдующій убавляетъ число рабочихъ и удлиняетъ рабочий день оставшихся, то Мазуринъ, между прочимъ, заявилъ, что у него на фабрикѣ числится 4000 человекъ. Это была неправда: на фабрикѣ работало всего 3000 человекъ, причемъ прядильщики получали 37 коп., а не 60-70, какъ утверждалъ Мазуринъ. Его слова подлили масла въ огонь, такъ что рабочіе начали выходить изъ себя. Все начальство тайкомъ скрылось въ сосѣднее село. Остался только хозяйскій сынъ, мастеръ Герасимовъ. Онъ за ночь „бунтовалъ“ съ рабочими, стараясь спасти хозяйское добро, угощалъ рабочихъ папиросами, сладстями, хлѣбомъ, думалъ отдѣлаться этими подачками. Но разъяренная толпа искала, на чемъ бы сорвать гнѣвъ. Тогда Герасимовъ указалъ на старья, негодныя

постройки, и такимъ образомъ спастъ отъ разгрома главныя зданія. На другой день всѣ винныя лавки по сосѣдству были заперты; это только еще болѣе усилило раздраженіе стачечниковъ, и они начали безъ пощады громить все, что ни попадалось подъ руку. Избита была полиція, разнесена квартира директора, перебиты стекла въ фабричныхъ корпусахъ. Не уцѣлѣли бы и машины, если бы во время не прибыли казаки. Всѣ рабочіе столпились во дворѣ, затворили ворота и не пускали казаковъ; но послѣдніе ворвались спллой. Начальникъ сталъ спрашивать, чего хотятъ рабочіе. Нѣкоторые стали было говорить, но тутъ послышались голоса: „что на него, братцы, смотрѣть?“

„Вслѣдъ за этимъ полетѣли въ казаковъ камни; офицеръ далъ знакъ — и казаки, сомкнувшись, бросились на народъ и загнали нагайками въ спальни. Начался переговоры. Рабочіе требовали поголовнаго разчета, если имъ не дадутъ прибавки. Но, какъ и слѣдовало ожидать, ихъ самымъ подлымъ образомъ обманули: вызвали всѣхъ на фабричный дворъ, разставили въ ряды, и мастеръ Герасимовъ, бунтовавшій съ ними ночью, ходилъ, окруженный солдатами по рядамъ и указывалъ зачинщиковъ. Арестовали около 200 человекъ. Остальныя опять взяли за работу“.

Можетъ, однако, показаться, что въ исторіи этой стачки фигурируютъ казаки и аресты только потому, что выведенные изъ себя рабочіе обращались не совсемъ вѣжливо съ Мазуринскимъ добромъ, — но такое заключеніе будетъ невѣрно. И намъ поведеніе мазуринскихъ рабочихъ не кажется правильнымъ. Какое напр., имѣетъ отношеніе битые стекла къ требованію увеличенія заработка? Можно-ли думать, что разгромъ фабрики способствуетъ уменьшенію рабочаго дня? Очевидно, что никакого отношенія здѣсь нѣтъ, и никто не можетъ думать, что такимъ путемъ онъ улучшитъ свое положеніе. Но всякій, кто хоть мало-мальски знакомъ съ нашими фабричными порядками; всякій, кто видѣлъ, какъ мастера и хозяева обращаются съ рабочими, не удивится, что въ нихъ иногда просыпается

чувство мести, желаніе какъ-нибудь напакостить фабриканту. Чувство мести есть, можетъ быть, первый признакъ пробужденія человѣческаго достоинства въ рабѣ. Сегодня еще униженный, онъ завтра заговорить языкомъ человѣка, сознающаго свои силы и свои права.

„Московскій фабрикантъ Прохоровъ сьумѣлъ прославиться своимъ „либерализмомъ“. На фабрикѣ у него школа, устроилъ онъ также и народное гулянье. Тѣмъ не менѣе, рабочимъ у него жилось плохо. Ткачи получаютъ отъ 8 до 15 руб. въ мѣсяцъ. Хотя Прохоровъ и нѣкоторые другіе фабриканты даютъ имъ еще даровую квартиру, но ею не всѣ рабочіе могутъ пользоваться (семейные, напр., лишаются ея, также и всѣ провинившіеся въ чемъ-нибудь). Кромѣ того, даровыя квартиры очень плохо устроены въ гигиеническомъ отношеніи. Тѣ же рабочіе, которые не пользуются даровой квартирой, ничего не получаютъ сверхъ обычной платы. Но и этотъ скудный заработокъ Прохоровъ старается урѣзать. Для достиженія этой цѣли, онъ пускается на всякія хитрости, не останавливаясь и передъ мошенническими уловками. Такъ, за кусокъ въ 90 арш. онъ заставляетъ рабочихъ брать плату, какъ за кусокъ въ 60 арш.; выдаетъ плохую основу, вслѣдствіе чего нитки безпрестанно рвутся, ихъ приходится связывать, а время уходитъ, станокъ стоитъ, да еще за каждый узелъ приходится платить штрафъ. Всѣ эти притѣсненія особенно усилились къ веснѣ этого года, изъ желанія, уменьшеніемъ заработка рабочаго, покрыть уменьшеніе дохода, происшедшее благодаря вздорожанію хлопка. Наконецъ, терпѣніе рабочихъ лопнуло и они рѣшили просить прибавки. Хотѣли заявить объ этомъ въ субботу 20-го мая. Но прошла суббота, воскресенье, понедѣльникъ. — а никто не рѣшался выступить съ требованіемъ. Эти толки среди рабочихъ дошли тѣмъ временемъ до администраціи. Во вторникъ въ 11 часовъ утра, когда пришла мужская смѣна, мастеръ велѣлъ сторожамъ запретить фабрику и крикнулъ ткачамъ: „ну, вотъ вы просили прибавки, ступайте, кому мало, хозяинъ въ конторѣ“. Сначала никто не двигался съ мѣста, наконецъ,